

УДК 34.01:101.8

Миллер

Вероника Ивановна,
преподаватель кафедры
социально-экономического
развития и философии
Сургутского
государственного
педагогического
университета,
Россия, 628417,
Ханты-Мансийский
автономный округ, г. Сургут,
ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2.
E-mail: miller815mailru@bk.ru

**СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
МНОГООБРАЗИЯ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
SOCIO-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING
OF LEGAL REALITY DIVERSITY**

В.И. Миллер V.I. Miller

Сургутский государственный педагогический
университет, Россия
Surgut state pedagogical University, Russia.
E-mail: miller815mailru@bk.ru

Цель статьи – обосновать актуальность проблемы социально-философского осмысления правовой реальности. Ритм современной жизни постоянно ускоряется, этим объясняется усложнение политико-правовых процессов, которые необходимо осмыслить и проанализировать. В настоящее время право-

вая реальность подвержена не только онтологическим преобразованиям. Новых оценок требуют изменяющиеся функции современного права в соответствии с традиционной западноевропейской гуманистической традицией. Социокультурная практика предопределена тем, что существует противоречие между правовыми реалиями и процессом их гуманистического осмысления и оценки. Множественность сложившихся мнений в решении проблемы гуманизации права заслуживает особого внимания. В статье определено, что становление философско-правового знания обусловлено тем, что длительное время философия права развивалась как область междисциплинарного синтеза философии и юриспруденции, в которой ведущую роль играли такие категории, как «право», «правосознание», «человек как субъект права». Обосновано, что в современной философии права рассматриваются типы правосознания, их особенности по степени включенности человека в правовое пространство. При этом правосознание неразрывным образом связано с гуманистическими установками, которые являются основанием формирующейся правовой культуры человека и общества. В связи с этим сделан акцент на изменяющемся стиле и способе философского мышления, методологии исследования социально-философской науки. Сделан вывод о том, что правовая теория, ставшая традиционной, существенно изменяется. Так, стремясь устранить разрыв между регламентированным правом и гуманистическими установками, гражданскими нормами, научное сообщество исследует различные пути их взаимодействия. Отмечается, что одной из интегративных областей знания, включающих категорию гуманизма в качестве важнейшего элемента всех сфер общественной жизни, выступила европейская практическая философия. Применены методы сравнительного и социально-культурного анализа, герменевтический подход.

Ключевые слова: право, социальная философия, философия права, правовая норма, гуманизм, этика должностования, евпраксифия, секулярный гуманизм, трансгуманизм.

The article aims to justify the relevance of the problems of socio-philosophical understanding of legal reality. The rhythm of modern life is constantly accelerating, this explains the complexity of political and legal processes that you need to understand and to perform. Currently, the legal reality is exposed not only to the ontological transformations, the new assessments require the changing functions of modern law in accordance with traditional Western European humanistic tradition. Sociocultural practice is predetermined by the fact that there is a contradiction between the legal reality and the process of humanistic reflection and evaluation. The multiplicity of existing opinions in solving the problem of humanization of law deserves special attention. The article identifies that the development of philosophical and legal knowledge is caused by the fact that for a long time the philosophy of law developed as a field of interdisciplinary synthesis of philosophy and jurisprudence, in which the leading role was played by such categories as «law», «legal consciousness», «man as a subject of rights». It is proved that in modern philosophy of law the types of justice, particularly the degree of involvement of a person in the legal space, are discussed. At the same time, the sense of justice is intrinsically linked to the humanist attitudes, which are the basis of the emerging legal culture of the individual

and society. In this regard, the author emphasizes the change in style and methods of philosophical thinking, methodology of researching socio-philosophical science. The author makes a conclusion that legal theory, which has become traditional, significantly changes in intention to bridge the gap regulated by the state law from a humanistic attitudes and civic norms, the scientific community researches different ways of their interaction. It is noted that practical European philosophy acted as one of the integrative areas of knowledge, including the category of humanism as a critical element in all spheres of public life. The author applies the methods of comparative and socio-cultural analysis, the hermeneutic approach.

Key words: law, social philosophy, philosophy of law, legal norm, humanism, ethics of obligation, *evpraksiya*, secular humanism, transhumanism.

Многозначность и множественность оценок дефиниции «право» есть отражение усложняющейся правовой реальности, которое связано с развитием демократических процессов в мире, явлений глобализации и мультикультурации права. Современная социокультурная ситуация предопределена тем, что существует своего рода противоречие, которое обнаруживается между правовыми реалиями, с одной стороны, и процессом их гуманистического осмысления и оценки – с другой. Плюрализм оценок и мнений накладывает отпечаток на понимание права и гуманизма, что является чрезвычайно важным условием для формирования гуманистического правосознания индивидов, основанием реализации гуманных правовых взаимоотношений. Такое положение создает важность целостного, обоснованного, критического исследования содержания права, социально-философского анализа гуманистического и правового пространства прошлого и современности.

«Границы научного знания оказываются заданными особенностями нравственных и ценностных норм, идеалов в ориентациях, структур профессиональной деятельности – отношениями к миру в целом» [1, с. 54]. В современной западной и отечественной науке проблемы философии права поднимаются особенно активно, что связано с онтологическими изменениями социальной реальности настоящего времени, с трансформациями, произошедшими в способах философского мышления. Современная философия актуализировала проблемы частной методологии, в этой ситуации философия сообщает различным научным дисциплинам свои рефлексивные методы работы, придает этим дисциплинам философскую направленность. Философия работает в науках и тем самым санкционирует появление философии права как научной области знания, которая не только призвана обобщить научную информацию, но и привнести новые оценки в дефиниции важнейших правовых понятий и категорий.

Право является формой социального бытия общества, в которой закреплена идея о том, что общественные системы нуждаются в сохранении своей целостности от внутренних и внешних разрушительных сил. Основываясь на общепринятых нормах, на общечеловеческих гуманистических установках, право призвано регламентировать и регулировать существование цивилизованных сообществ, не только сохранять порядок в обществе, но и гарантировать свободу каждому человеку, отстаивать интересы как государства, так и личности.

Право – это сложное социально-философское, философско-правовое и юридическое понятие, выступающее фундаментальным по своей сути и значению. С целью выявления его содержательных характеристик Д.А. Керимов предлагал исследовать данное понятие посредством диалектических категорий. Отмечая, что, с одной стороны, сущность и содержание, а с другой – содержание и формы права едины, под содержанием права предлагал считать «систему правовых норм, в которых конкретизируется общая воля государственно организованного господствующего класса по поводу определенного должного или возможного поведения людей» [2, с. 19]. В настоящее время

дефиниция права рассматривается не только как система правовых норм, но и как «абстрактная форма фактических социальных отношений, с непосредственной (внеправовой) социальностью, и именно в этом (формальном) смысле следует понимать распространённую характеристику права» [3, с. 136].

В форме права необходимо различать внутреннюю и внешнюю форму. Если внутренняя – это структурная система строения, выстраивающая содержание правовой нормы, то внешняя есть выражение определенного содержания. «Обычно в литературе эту форму называют формой выражения права, нормативным актом или источником права в так называемом формальном смысле (закон, указ, постановление и т. д.)», – уточнял Д.А. Керимов [2, с. 22].

Природа права конвенциональна, она направлена на установление механизма согласования противоречащих интересов между различными общественными силами, в случае возникновения конфликтов устранять последствия разрушительных противостояний. Право как способ регламентированности общественной жизни осуществляет статусную специфику в ряде важнейших функций. К наиболее значимым можно отнести следующие: соответствие правовой системы требованиям государства, общества и личности; достижение целей, направленных на укрепление социального порядка; необходимость реализации интеграционных процессов, направленных на сохранение целостности; «удержание образца» как стремление правовой системы оберегать от деформаций ведущие модели должного.

Среди функций права особое место занимает семиотическая, характеризующая правовое пространство как совокупность знаков и символов. С их помощью правовая информация транслируется от поколения к поколению в виде программ должного поведения. Вне знаковой оформленности невозможно практическое функционирование права, но кроме этого, знаковое оформление позволяет правовым структурам существовать самостоятельно в пространстве и времени, позволяет правовым знаниям решать конкретные социальные задачи. Таким образом, семиотическая система правового знания существует как некая целостность, в которой базовые элементы направлены на интеграцию в локальные системы правовых цивилизаций. Это было обусловлено изобретением письменности, что повлияло на становление правового и нормативного семиозиса.

Особо следует выделить актуальность коммуникативной и кратической функций. В границах принятых правовых норм осуществляется процесс взаимодействия, обеспечивается координация действий субъектов в различных правовых ситуациях. Именно право проводит четкую границу между должным и необходимым и тем, что является недопустимым в той или иной правовой системе. В отличие от неформальных форм коммуникации повседневной ориентированности, право имеет функциональный характер, так как с помощью правовых норм общественный порядок не только поддерживается «здесь и сейчас», но и передается от одних поколений к другим.

Кратическая функция обусловлена необходимостью приводить социальные субъекты к осознанию должного поведения, таким способом поддерживая в обществе стабильность и порядок. По отношению к сложным общественным противоречиям данная функция также проявляется в способности разрешения конфликтов; в соблюдении заключенных договоренностей, гарантируя безопасность. Данная функция может опираться на средства добровольного характера, которые направлены преимущественно на содержательные элементы формирующейся культуры индивидуального правового сознания, при этом активизируются механизмы внутренней мотивации. В опоре на средства принудительного характера осуществляется воздействие правовых инстру-

ментов, которые не только имеют легитимную природу, но и отвечают критериям гуманизма. К сожалению, история становления правовых отношений отражает немало примеров, когда на практике применяются способы репрессивного характера с неоправданно жестоким воздействием, именно тогда применение силы превосходит границы целесообразности, обусловленные антропогенными и социогенными факторами, что недопустимо в обществе, признающем ценность гуманистических идеалов.

Любая общественная система прошлого и современности не может осуществлять свое функционирование вне процессов, направленных на формирование правовой культуры и правосознания. Если понимать правосознание как основу ориентации в сфере правовой реальности, то можно утверждать о том, что существуют следующие формы правосознания: насильственно навязываемая, завуалированно навязываемая, истинно субъектно-активная. Подобная классификация носит условный характер, но позволяет нам продемонстрировать взаимосвязанные связи между человеком и обществом, сознанием индивида и проводимой правовой политикой.

Первая предполагает, что нормы права могут выступать как противоречащие его изначальным установкам, но, опасаясь определенного рода наказаний, человек приспосабливает свои действия к существующим требованиям. Подчеркнутая позиция главенства закона по отношению к отдельному человеку прослеживается, например, в теории законников или легистов, где страх подвергнуться наказанию обуславливал поведение не только индивида, но и семью и даже род. Применение изощренной практики наказаний не выступало эффективным механизмом выработки должного поведения, поскольку не было ориентировано на свободу выбора и принятия правовых норм.

Вторая форма правосознания отличается тем, что нормы глубоко интегрированы в индивидуальное бессознательное, так что человек может полагать их своим внутренним выбором. В результате может сложиться впечатление политической и правовой активности индивида в ситуациях, где он лишен самого главного – свободы выбора. На сегодняшний день практика внедрения подобных правовых норм отрабатывается на моделях формирующегося детского и юношеского мировоззрения, когда навязываемые ценности должного и модного пропагандируются как тождественные.

В третьей форме подчеркивается осознанная позиция осмысления и принятия правовых норм, ценностей, установок, которые не противоречат общечеловеческим гуманистическим ценностям и направленности на благо человека. Проблема заключается в том, что на практике вторая форма подменяет собой третью, при этом активность субъекта права возникает лишь время от времени. В этом случае автономия правосознания проявляется в свободе от социального принуждения, а законопослушное поведение опирается на «предправовые» уровни нормативной саморегуляции морально-нравственного характера, создается ситуация так, будто правосознание законодательствует, определяя для себя модели должного социального поведения. Тем самым активность человека в процессе формирования и принятия правовой реальности может быть недостаточно высокой.

Правосознание неразрывным образом связано с гуманистическими установками, которые лежат в основе всех последующих оценок сформированной системы права социальными субъектами. Объективность данных оценок складывается в результате столкновений существующих интересов как индивидов, так и социальных групп, а также обусловлена постановкой определенных целей, которые выстраиваются в иерархическую цепочку. В этом смысле право гарантирует гражданам некое пространство для реализации тех возможностей, которые не вступают в конфликт с законодательными нормами, одновременно оно отражает степень сформированности того или иного

уровня правосознания. Отечественный исследователь И.А. Ильин писал о том, что не существует ни одного человека без правосознания, но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием [4]. Таким образом, правосознание выступает сложным духовным организмом, который наличествует у каждого человека, поскольку он не существует вне правового поля, в свою очередь, правовые установки регламентируют основы его общественной жизни. Даже в те моменты, когда человек склоняется к совершению поступков, отступающих от правовых норм, и совершает преступления, мы не можем утверждать, что у него отсутствует правосознание, скорее это будет указывать на ложность нравственно-ценностных ориентиров, искаженность правовой картины мира. В целом правосознание еще и выражает системность и глубину осмысления правовой реальности, сформированность структурных единиц личностного развития или правовой ментальности. В содержательном смысле правосознание есть единство чувств и настроений, характеризующее отношение как к существующему, так и к желаемому праву; это осознание нормы, проявленной в поведенческой модели индивида с точки зрения его прав и обязанностей, соблюдения закона или отступления от него.

Правосознание соотносится непосредственно с нравственным сознанием, которое формируется на протяжении всей жизнедеятельности человека. С самого раннего возраста общество направляет значимые усилия на то, чтобы ребенок осваивал границы должного, необходимого, правильного. В семье, в дошкольных и школьных учреждениях особое внимание уделяется воспитанию в подрастающем поколении гуманистически ориентированных морально-нравственных норм и установок, вне границ которых невозможно правовое образование. Современное общество критично оценивает распространяющиеся модели жестокого поведения по отношению к животным, маленьким детям, пожилым людям. Прежде чем представитель подрастающего поколения познакомится с правовыми нормами того или иного государства, которые подразумевают систему наказания за то или иное противоправное действие, он должен осознавать стыд за то, что подобное поведение некрасиво, является плохим, причиняет боль другим людям. Если сопоставлять правосознание и морально-нравственное сознание, то следует отметить, что нравственные установки обладают абсолютным ценностным характером, хотя не имеют силы закона. В силу этого они играют важную роль в становлении правовой культуры индивида и общества.

«Мир становится другим, приобретая турбоскоростную динамику, неопределенность, непредсказуемость и калейдоскопичность развития» [5, с. 61], поэтому «осуществляя выбор в становлении себя как творческой сущности, человек всегда способен сделать неверный шаг, ложным образом интерпретировать себя и свое место в тотальности бытия, тем самым прийти к самоовеществлению. Эта стадия не только сближения человека и вещи, уподобления себя, живого, неживому, но предательства по отношению к свободе творения. В этом расхождении природы человека и природы творчества правовой реальности укореняется возрастающая возможность отчуждения. Люди, создающие правовые нормы, которые отступают от принципа гуманизма, не только сами погружаются в антигуманистическую правовую реальность, но и способствуют искажению формирующегося мировоззрения других людей» [6, с. 207]. «Подлинная суть трактовки сверхчеловеческого отнюдь не в учреждении инстанции сиюминутного произвола и иррационального своеволия, которые в конечном итоге всегда оборачиваются метафизикой зла и inferнальности, несмотря на все упреждающие заявления о приостановке морали и морального ценностного суждения» [7, с. 83].

Многие философы античности и Возрождения, такие как Аристотель, Платон, М. Фиччино, Д. Манетти и другие, в своих сочинениях обозначали тему ценности и величия человеческой личности, подчеркивая, что уникальность человека заключена в том, что он вовлечен в политико-правовое пространство. Бытие человека определено установкой сосуществования с другими людьми и необходимостью вырабатывать нормы общежития, которые характеризовали бы человека как «самостоятельно творящего субъекта права» [4, с. 494]. Научное направление «философия права» оформилось в эпоху Просвещения. В.С. Нерсисянц писал о том, что в конце восемнадцатого века юрист Г. Гюго обосновывал роль и значение научной области знания «философия права», под которой полагал «философию позитивного права» [8, с. 13]. С. Пуфендорф и Х. Вольф отмечали, что «философия права» может характеризоваться как научное познание права, основанное на рационализме. Теория американского прагматизма Дж. Дьюи культивировала необходимость «руководствоваться не априорными понятиями, например, о природе человека или о сущности социальных институтов, но отталкиваться от практики гуманитарных исследований конкретной деятельности человека и различных социальных групп» [9, с. 208]. Таким образом, в западноевропейской теории обнаруживается идея создания светской правовой теории, отражающей повседневные запросы общества и индивида.

Пути формирования «Философии права» выражены как следствие и результат сложившегося междисциплинарного синтеза философии и юриспруденции, в частности их обоюдный научный интерес в оценках таких категорий, как «право» и «человек как субъект права». Но при этом существует важное различие в подходах: если философию права интересует категория «всеобщее» в праве, то в юриспруденции главенствует категория «особенное» в праве. Так, В.С. Нерсисянц отмечал актуальность триады категорий для философии и философии права (общее–особенное–конкретное), для юриспруденции и философии права (особенное–всеобщее–конкретное) [8]. Таким образом, философия права как научная область знания не только призвана обобщить научную информацию, но и привнести новые оценки в дефиниции важнейших правовых понятий и категорий.

Обратимся к философскому обоснованию наиболее значимых понятий из области философии права, а именно «человеколюбие» и «право», содержание которых раскрывается в тесном взаимодействии и взаимозависимости. Так, гуманистическая наполненность выступила этическим основанием права, а значение и ценность гуманизма стали определяться, в том числе, и практической сферой правовых взаимоотношений. Именно так проверяется жизнеспособность и жизнедеятельность гуманистических установок, которые были представлены миру еще в древнейших этико-философских учениях Востока (например, «золотое правило нравственности» Конфуция).

Одним из мыслителей прошлого, в философском наследии которого подчеркивалась взаимосвязь права и гуманизма, выступил И. Кант. Особенность его подхода в определении сущностных признаков и характеристик права состояла в том, что он обосновывал этическую составляющую в качестве основания выстраивания моделей взаимоотношений с другими людьми, «делать добро другим людям по мере нашей возможности есть долг независимо от того, любим мы их или нет...» [10, с. 443–444]. Отталкиваясь от необходимости руководствоваться целополаганием потребностей и интересов другого лица, он призывал: «Делай своим ближним добро, и это благодеяние пробудит в тебе человеколюбие (как навык склонности к благодеянию вообще)» [10, с. 444]. Тем самым, признавая, что если гуманистические склонности не присутствуют в человеке изначально как врожденные качества или сформированные посред-

ством воспитания, то их необходимо развивать и реализовывать в поступках и помыслах на протяжении всего жизненного пути. Он писал, что «человеку вменяется в обязанность добродетель (как моральная твердость)» [10, с. 439].

И. Кант полагал, что существует тесная взаимосвязь между поведением человека и существующими законами. Последние, в свою очередь, он воспринимал как производное от поведения каждого, полагая, что если добродетельность станет для людей важнейшей жизненной установкой, то можно будет говорить о том, что законы утратят свою актуальность, а им на смену придут «всеобщий закон» и «право гражданина мира». «Эта идея разума – идея мирной, хотя еще не дружеской, общности всех народов Земли без исключения, которые могут вступать друг с другом в полезные отношения, вовсе не человеколюбивая (этическая) идея, а правовой принцип» [10, с. 338–389]. Таким образом, философ обосновывал взаимосвязь этико-гуманистической составляющей и правовой сферы, но с трансформацией этических идей в правовой принцип. В работе «Метафизика нравов» И. Кант подчеркивал ценность права как основания единения людей и устанавливал следующую дефиницию данного понятия: «Право – это совокупность условий, при которых произволение одного (лица) совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [10, с. 253].

Р.А. Бурханов, анализируя философское наследие И. Канта, писал: «Мораль, право представляет собой априорную форму внешних поступков людей, обусловленную априорной формой их внутренних убеждений» [11, с. 96]. Тем самым формирование внутренних побуждений человека остается в границах морали, тогда как право регламентирует добродетельность поступков, опираясь на правомочие принуждать. Таким образом, право выступает социальной формой регулирования человеческого общежития, в которой воплощена идея о важности и необходимости ограждения себя от опасностей внутренних и внешних разрушений. «Общепринято понимать право как систему правил поведения. Действительно, чтобы право могло оказывать регулятивное воздействие на поведение людей, оно должно располагать необходимыми средствами. Эти средства социальной регуляции, будучи нормативной основой права, не только определяют границы должных и возможных индивидуальных поступков субъектов, но в конечном счете нацелены на упорядочение и совершенствование общественной жизни, внесение в нее организующих начал» [12, с. 293].

В аналитической литературе сформулирована идея о том, что равенство, свобода, справедливость, – это содержательные компоненты права и правовой формы. Автор этой идеи В.С. Нерсисянц подчеркивал, что «каждой ступени в историческом развитии свободы и права присуща своя юридическая концепция человека как субъекта права и соответствующие представления о его правах и обязанностях, его свободе и несвободе» [8, с. 142]. Ю. Хабермас писал о том, что «эта моральная зараженность права есть результат конституционных революций XVIII столетия. Тот, кто пытается нейтрализовать данное напряжение, покусается на само динамичное восприятие существующего...» [13, с. 76]. Сказанное означает, что свобода и справедливость как свойства правовой сущности входят в понятие права, возможны и выразимы лишь в правовой форме.

«Политика есть искусство права, т. е. умение создавать ясную, жизненную и гибкую правовую норму» [4, с. 494], в семантической форме наблюдается соединение элементов необходимости и свободы, долженствования и необходимости действия как усвоенного знания. Статичность содержательно-смысловых характеристик норм обусловлена динамикой социокультурного контекста, внутри которого она пребывает. Норма права, обладая знаковой формой, способна хранить обширное формализованное социальное знание. Предлагая должную модель поведения, норма не прописывает осо-

бенность обстоятельств ее реализации, а свобода индивида прослеживается в принятии различных возможных решений, в выборе средств по реализации поставленных целей в границах очерченного нормами правового пространства. Свобода выбора, которую осуществляет человек, отражает весь драматизм его человеческой природы: «Люди как люди...ну, легкомысленны...ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца» [14, с. 98].

Современная правовая сфера призвана разрешать множество задач, главная из которых регламентировать взаимоотношения между индивидом и государством. Н.А. Бердяев писал: «Гуманизмом я буду называть признание высшей ценности человека в жизни мира и его творческого призвания» [15, с. 180]. По его мнению, трагедия становления гуманистической традиции была обусловлена тем, что «в XIX веке гуманизм принужден был признать человека продуктом природной и социальной среды. Как существо исключительно природное и социальное, как создание общества, человек лишен внутренней свободы и независимости, он определяется исключительно извне...» [15, с. 36]. В этом контексте были оправданы попытки подавления человеческой личности, низвержения ее до элемента огромного социального механизма. Возвращение к истокам гуманистического принципа философ связывал с необходимостью позиционирования «творческой любви человека к человеку...» [15, с. 277]. Поэтому, если подчеркивается гуманистическая наполненность правовой теории и практики, то следует признать, что «уважение к человеческому достоинству каждого лица запрещает государству использовать какого-либо индивида в качестве всего лишь средства, хотя бы при этом целью было спасение жизни многих других лиц» [13, с. 67].

На сегодняшний день вполне правомерно утверждать, что возникшие в начале века попытки сформировать целостное направление – секулярный гуманизм – не получили должного развития в качестве самостоятельной области гуманитарного знания. Однако сам факт обращения к проблемам гуманизма в сочинениях П. Куртца заслуживает особого внимания. Он ввел термин «европейская практическая философия» [16, с. 68], подчеркивая необходимость практической реализации всего комплекса гуманистических установок, в том числе в области права. Структурно евпраксофия была представлена гуманистической теорией, этикой гуманизма, историей гуманизма, психологией гуманизма, политологией гуманизма. Большое внимание при этом уделяется этике гуманизма: она понимается как особая форма общественной практики человека, а ее основная теоретическая задача видится в обосновании реальности, практической осуществимости принципа гуманности [17, с. 123]. Кроме того, европейская практическая философия гуманизма имеет основания для рассмотрения ее как интегративной области знаний, поскольку опирается на основные положения и результаты исследований ряда наук. Непосредственную связь она обнаруживает с гуманитарной отраслью, прежде всего с философией и социологией. Большое значение, в частности, приобретают достижения социобиологии, раскрывающие глубинные корни антигуманизма. Основными направлениями современных исследований в области философии гуманизма можно признать следующие: изучение культурного наследия, религиозных и философских систем и концепций, включающих категорию гуманизма в качестве важнейшего элемента их содержания; анализ и оценка культурного опыта, современного состояния сфер общественной жизни, критерием которых является гуманизм; исследование в области теории гуманизма, освещение и анализ имеющегося опыта применения гуманизма. В целом необходимо отметить, что многочисленные попытки определения гуманизма связаны с преодолением целого ряда трудностей как объективного, так и субъективного характера. Современная концепция гуманизма имеет длительную историю,

опирается на культурное наследие многих философских и религиозных систем, в которых понятия, отражающие идею гуманизма не идентичны по смыслу. Кроме того, категория гуманизма представляет собой аккумуляцию многих аспектов: социальных, религиозных, политических и др. Наконец, при раскрытии содержания понятия довольно трудно избежать эмоциональной насыщенности. Это осложняется многочисленными стереотипами и предрассудками, бытующими в сфере индивидуального и общественного сознания, согласно которым гуманизм отождествляется с прекраснотворением и утопизмом, неограниченным антропоцентризмом и др.

Современная картина мира характеризуется не столько проблемой обоснования гуманистических ценностей, столько осознанием необходимости сознательно практиковать идеи гуманизма в различных сферах политико-правовой жизни. Так, кроме секулярного и ноосферного гуманизма актуализируется теория трансгуманизма. Одной из перспектив развития современного человека становится его сращение с компьютерными артефактами и формирование «человека трансгуманистической эпохи» [18, с. 147]. Однако «в погоне за расширением свободы и все большим использованием новых информационно-технических средств в сфере коммуникации, в безграничном стремлении к потреблению нельзя забывать: сохранение общества возможно при разумном сочетании свободы и социальной безопасности, существующих в единстве» [19, с. 21].

Как движение гуманизм могут представлять люди различных политических убеждений. Их объединяет позиция, что правовые нормы могут корректироваться в зависимости от сегодняшних потребностей и социальных требований. Вызывает особую озабоченность, тот факт, что в настоящее время «мы уже не можем говорить об обществе как дифференцированном целом, но только о совокупности масс, образующихся стихийно вокруг тех или иных потребностей. Вне актов потребления общность становится излишней» [20, с. 69]. В целом современная эпоха может ассоциироваться с моральной революцией и включать в себя радикальные вопросы пересмотра многих устоявшихся ценностей (критику религиозных, идеологических и моралистических философских учений, а в конечном счете многих основ человеческой жизни). В своем роде это является попыткой открытия тех аспектов жизни человека, которые были утрачены в постиндустриальном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова Г.И. Философия науки в России: поиски обоснования национальной самобытности // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 50–54.
2. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии прав. – М.: Современная гуманитарная академия, 2003. – 524 с.
3. Миллер В.И. Осмысление сущности феномена «право» в гуманистической традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 39. – С. 133–141.
4. Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994. – 594 с.
5. Петрова Г.И. Метафизика власти // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2015. – № 4 (20). – С. 60–65.
6. Миллер В.И. Антропологический дефицит права и проблема гуманизма в западноевропейской экзистенциальной философии XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Т. 6. – С. 204–211.
7. Петренко В.В. Нигилизм как вектор индивидуализации в философии и культуре новейшего времени // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 3 (11). – С. 80–85.
8. Нерсесянц В.С. Философия права. – М.: НОРМА, 2006. – 835 с.

9. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Брайн Бикс и аналитическая философия права в Америке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2013. – № 2 (22). – С. 206–210.
10. Кант И. Религия в пределах только разума: собрание сочинений. В 8 т. Т. 6. – М.: Чоро, 1994. – 612 с.
11. Бурханов Р.А. Практическая философия Иммануила Канта. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. – 191 с.
12. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Правила, юридический язык и речевые акты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-yuridicheskiy-yazyk-i-rechevye-akty> (дата обращения 15.08.2017).
13. Хабермас Ю. Концепт человеческого достоинства и реалистическая утопия прав человека // Вопросы философии. – 2012. – № 2. – С. 66–80.
14. Булгаков М.А. Избранное. – М.: Просвещение, 1991. – 384 с.
15. Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. – СПб.: Изд-во РХГУ, 1996. – 384 с.
16. Куртц П. Светский гуманизм и политика: в каких случаях мы высказываемся? // Здравый смысл. – 2005. – № 4. – С. 14–20.
17. Куртц П. Запретный плод. Этика гуманизма. – М.: Российское гуманистическое общество, 2002. – 222 с.
18. Файола Э., Войскунский А.Е., Богачева Н.В. Человек дополненный: становление киберсознания // Вопросы философии. – 2016. – № 3. – С. 147–162.
19. Сытых О.Л. Человек в контексте становления новых социальных отношений // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 2. – С. 17–22.
20. Борисов Н.А. Общество без смерти, или гегемония социального // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2017. – № 39. – С. 68–78.

References

1. Petrova G.I. *Filosofiya nauki v Rossii: poiski obosnovaniya natsionalnoy samobytnosti* [Philosophy of Science in Russia: Finding the Grounds for National Identity]. *Tomsk State University Journal*, 2007, no. 299, pp. 50–54.
2. Kerimov D.A. *Metodologiya prava. Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of law. Subject, functions, problems of the philosophy of law]. Moscow, Sovremennaya humanitarnaya akademiya Publ., 2003. 524 p.
3. Miller V.I. *Osmyslenie sushchnosti fenomena «pravo» v gumanisticheskoy traditsii* [Understanding the essence of the phenomenon of «law» in the humanistic tradition]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 39, pp. 133–141.
4. Ilin I.A. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1994. Vol. 3, 594 p.
5. Petrova G.I. *Metafizika vlasti* [Metaphysics of power]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2015, no. 4 (20), pp. 60–65.
6. Miller V.I. *Antropologicheskii defitsit prava i problema gumanizma v zapadnoevropeyskoy ekzistentsialnoy filosofii XX veka* [Anthropological deficiency of law and the problem of humanism in the Western European existential philosophy of the twentieth century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2017, vol. 6, pp. 204–211.
7. Petrenko V.V. *Nigilizm kak vektor individualizatsii v filosofii i kulture noveyshego vremeni* [Nihilism as a vector of individualization in the philosophy and culture of modern times]. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2013, no. 3 (11), pp. 80–85.
8. Nersesyanc V.S. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, NORMA Publ., 2006. 835 p.
9. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. *Brayn Biks i analiticheskaya filosofiya prava v Amerike* [Brian Bix and Analytical Philosophy of Law in America]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2013, no. 2 (22), pp. 206–210.
10. Kant I. *Religiya v predelakh tolko razuma* [Religion is only in the mind]. Moscow, Choro Publ., 1994. Vol. 6, 612 p.
11. Burkhanov R.A. *Prakticheskaya filosofiya Immanuila Kanta* [Practical Philosophy of Immanuel Kant]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1998. 191 p.
12. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. *Pravila, yuridicheskiy yazyk i rechevye akty* [Rules, legal language and speech acts]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravila-yuridicheskiy-yazyk-i-rechevye-akty> (accessed 15 August 2017).
13. Khabermas Yu. *Kontsept chelovecheskogo dostoinstva i realisticheskaya utopiya prav cheloveka* [The concept of human dignity and the realistic utopia of human rights]. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 2, pp. 66–80.

14. Bulgakov M.A. *Izbrannoe* [My Favorites]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 384 p.
15. Berdyaev N.A. *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and revelation. Prolegomena to the Criticism of Revelation]. St. Petersburg, RKhGU Publ., 1996. 384 p.
16. Kurtts P. Svetskiy gumanizm i politika: v kakikh sluchayakh my vyskazyvaemsya? [Secular humanism and politics: in which cases do we speak out?]. *Zdravy smysl*, 2005, no. 4, pp. 14–20.
17. Kurtts P. *Zapretny plod. Etika gumanizma* [The Forbidden fruit. Ethics of Humanism]. Moscow, Rossiyskoe gumanisticheskoe obshchestvo Publ., 2002. 222 p.
18. Fayola E., Voyskunskiy A.E., Bogacheva N.V. Chelovek dopolnenny: stanovlenie kibersoznaniya [Man supplemented: the formation of cyberconsciousness]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 3, pp. 147–162.
19. Sytykh O.L. Chelovek v kontekste stanovleniya novykh sotsialnykh otnosheniy [Man in the context of the emergence of new social relations]. *Gumanitarny vector*, 2016, vol. 11, no. 2, pp. 17–22.
20. Borisov N.A. Obshchestvo bez smerti, ili gegemoniya sotsialnogo [A society without death, or hegemony of social]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2017, no. 39, pp. 68–78.

Дата поступления 20.10.2017